

Введение

Центральной темой настоящего сборника документов является акция, предпринятая тайной государственной полицией (гестапо) против Бертольда Якоба, которую называли «самыми впечатляющими похищением» из всех когда-либо организованных гестапо в отношении беженцев, проживающих за пределами Германии. Так кем же был Якоб, и почему национал-социалисты так стремились вернуть его в Германию? Очень важно пролить свет на этот захватывающий случай из истории того времени, особенно с помощью ранее не публиковавшихся материалов, которые были обнаружены лишь недавно, и могут существенно дополнить наши знания о произошедшем. Большая часть документов находится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде, и хотя из библиотечных актов их точное происхождение установить не удалось, формат и содержание явно указывают на то, их прежними владельцами были Рудольф Ольден и его жена Ика. Ольден был известным берлинским адвокатом и автором передовиц в левобуржуазной газете «Берлинер Тагеблатт». После прихода Гитлера к власти он бежал в Чехословакию, поскольку понимал, что из-за его антифашистской деятельности над ним и женой нависла угроза ареста. В ноябре 1933 года супруги добрались до Великобритании, а в конце 1935 года переехали из Лондона в Оксфорд, где оставались до своего отъезда в США осенью 1940 года. Известно, что часть своих документов они оставили у профессора Гилберта Маррея для последующей пересылки, и велика вероятность того, что среди них находились и письма, вошедшие в данный сборник. Однако во время поездки в судно, на котором плыли супруги, попала торпеда, и они утонули.

Бертольд Якоб был берлинским коллегой и другом Ольдена. У них было много общих взглядов на то, каким должно быть правовое государство, и они оба являлись активными членами Немецкой лиги прав человека (НЛПЧ) – самого значимого движения, стремившегося воплотить эту концепцию в жизнь. Документ под номером 54, письмо Ольдена, дает прекрасное представление о том, каких целей такие люди, как Бертольд Якоб, пытались достичь в Веймарской республике.

Письма, вошедшие в данный сборник, освящают деятельность, которую развернули Ольден и другие люди, бежавшие из Германии из-за гонений по политическим и/или расовым мотивам, после 9 марта 1935 года, когда Якоба заманили обратно в Германию через швейцарскую границу близ города Базеля и доставили в берлинскую штаб-квартиру Гестапо. Здесь приводится и ряд других документов того времени, позволяющих рассмотреть этот случай в широком политическом контексте.

*

Бертольд Якоб Соломон, в профессиональной среде известный как Бертольд Якоб, родился в Германии в 1898 году в семье еврейского торговца. У него были два младших брата: писатель Герхард, печатавшийся под именем Ханс-Роджер Мадол, и банкир Вольфганг. После гимназии Бертольд Соломон начал изучать основы коммерции, но в 1917 году стал солдатом и служил преимущественно на западном фронте в батальоне тяжелой артиллерии в качестве канонира и радиста. Он пережил отравление газом и был награжден орденом – Железным крестом II класса.

Вскоре после возвращения с войны он нашел свое призвание в журналистике. Под влиянием своего военного опыта² и размышлений, особенно, над вопросом ответственности за войну, он стал сочувствовать пацифистскому движению, в деятельности которого долгое время участвовал под руководством профессора Людвиг Квидде.³ Квидде был председателем «Германского общества мира», старейшей пацифистской организации Германии. Бертольд (далее Якоб) стал членом этого общества, которое было крайне неоднородным по своему составу и включало людей с широчайшим спектром взглядов, найдя свое место в кругу Квидде, а также журналиста и пацифиста Гельмута фон Герлаха. Профессию независимого журналиста он осваивал, работая на такие издания как «Берлинер Фольксцайтунг»⁴, где познакомился со многими видными представителями пацифистского движения. В их числе были писатель и журналист Курт Тухольски, журналисты Манфред Георг и Карл фон Осецкий, а также статистик и профессор Эмиль Юлиус Гумбель. Все они являлись членами интеллектуальной элиты новой республики и

придерживались левых взглядов. По данным публициста Курта Гроссмана, в «Берлинер Фольксцайтунг» Якоб занимался подготовкой новостей на военную тематику и, возможно, писал статьи, не указывая свое авторство⁵. Он вспоминает, что в 1922 году Якоб начал писать статьи для левого пацифистского еженедельного журнала «Вельт ам Montag».

В 1923 он вступил в Немецкую лигу прав человека (НЛПЧ), которая благодаря своей растущей активности вскоре превратилась в самую влиятельную пацифистскую организацию Германии. Возглавляли ее известный пацифист Отто Леман-Руссбюльдт, являвшийся ее секретарем до 1926 года, а также Гельмут фон Герлах, профессор Эмиль Гумбель и Курт Гроссман, сменивший Лемана-Руссбюльда на посту секретаря. На протяжении 12 месяцев (с апреля 1925 года по март 1926 года) Якоб работал редактором специального приложения ГЛПЧ под названием «Варте дер Меншенрехте», которое выходило в другом ведущем пацифистском издании – еженедельном журнале «Дас андере дойчланд» Фрица Кустера. Фактически, эта деятельность была единственным штатным местом работы Якоба во всей его карьере. Два месяца спустя вышла его первая статья в журнале «Вельтбюне» Зигфрида Якобсона. Этот малоформатный, но крайне влиятельный еженедельный журнал являлся одним из самых критических изданий в Веймарской республике (наравне с «Дас андере дойчланд») и славился высоким качеством статей. В течение последующих трех лет Якоб часто писал статьи для обоих этих изданий.

В 1926 году он совместно с доктором Паулем Дрейфусом и Мартином Христианом Зандером основал пресс-рассылку под названием «Цайт нотичен. Она выходила дважды в неделю и позволяла напрямую обращаться к общественности, а также лучше информировать местные и провинциальные издания о деятельности пацифистов. Своими новостями, заполучить которые было не так уж просто, она вызвала сильный интерес, особенно, в журналистских кругах. Однако она также спровоцировала и бурную полемику, повлекшую за собой дюжину дел по обвинению в государственной измене, раскрытии военных секретов, дискредитации рейхсвера [...] против ответственных лиц издания»⁶.

Разумеется, эти дела отражали темы, на которые в первую очередь был направлен интерес Якоба (и многих его коллег), а именно тайное перевооружение и расширение армии, численность которой была ограничена лимитом в 100.000 человек, что являлось нарушением Версальского договора, так называемые Feme-Morde – политические покушения, устраивавшиеся антидемократическими элементами, которые сильно участились в то время⁹, а также антиреспубликанская система юстиции в Веймарской республике. В 1935 Якоб совместно с Гумбелем и остальными редактировал издание ГЛПЧ под названием «Белая книга о Черном рейхсвере. Тайное оружие Германии?». В ней на основании конкретных примеров было четко показано, как рейхсвер систематически, стараясь не привлекать лишнего внимания, занимается подготовкой значительного числа молодых людей с целью «создания армии резерва».¹⁰ В фокусе профессионального интереса Якоба с самого начала его карьеры находились военные вопросы. В документе, подготовленном им для военного следователя Народной судебной палаты после того, как в 1935 году он был похищен из Швейцарии и передан под арест Гестапо в Берлине, он заявлял: «Я считаю, что руководство рейхсвера всегда и при любых обстоятельствах было настроено против Республики, [...] против рабочего класса, который я в основной его массе считал самой прочной опорой Республики».¹¹ Другой причиной такого отношения по его словам являлось неприкрытое стремление правящих кругов рейхсвера к наращиванию военного потенциала, в чем Якоб видел серьезную угрозу международному миру¹². Якоб не только прекрасно владел информацией об европейских армиях, но и был настоящим экспертом в вопросах, касающихся немецкой армии, включая членов ее офицерского и штатного состава. В своих критических статьях о деятельности рейхсвера он был очень прямолинеен и при этом демонстрировал удивительные познания. Он рассматривал темные стороны системы юстиции и поднимал вопросы, которые армия предпочла бы не затрагивать. Также как и в случае с «Цайт нотцен», у Якоба и/или его редакторов снова возникли конфликты с законом, что неоднократно приводило к длительным судебным разбирательствам, а также штрафам и/или приговорам к тюремному заключению. Так, например, основанием для «понтонного*

процесса» в марте 1928 (*процесс носит такое название из-за того, что описанная трагедия произошла из-за опрокидывания понтонной конструкции – прим. переводчика) послужили две статьи 1925 года¹³, в которых Якоб на основании собственного крайне тщательного расследования смог доказать, что из 81 солдата, утонувшего во время боевой подготовки на Везере, как минимум 11 были «добровольцами по контракту», членами военизированной ячейки, которая согласно, данным правительства, предоставленным незадолго до этого инцидента, якобы более не существовала.¹⁴ Имперским прокурором на этом процессе был Пауль Ернс, позднее ставший ярким противником Якоба.¹⁵ В своей статье под названием «Речь в защиту Шульца»¹⁶, опубликованной в «Вельтбюне», Якоб доказывал, что считать виновным и привлечь к ответственности следует не только печально известного старшего лейтенанта Шульца, совершавшего политические убийства по приговору тайного судилища, но и сопричастных лиц - вышестоящих и самых высокопоставленных военных офицеров.

*

Якоба называли «политическим одиночкой»¹⁷. Что касается политического ландшафта, то он вместе с другими друзьями-журналистами, например, Осецким, стал соучредителем недолго просуществовавшей Республиканской партии Германии, тщетно надеясь таким образом поддержать Веймарскую республику. Небольшое число голосов, полученное этой партией на выборах в мае 1924 года, вскоре привело к ее закату. Для того, чтобы все же иметь возможность играть роль в политике, Якоб в середине 1928 года стал членом Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая ни раз критиковалась как журналом «Вельтбюне», так и им лично. Однако в конце 1932 года он перешел в другую партию левого крыла – Социалистическую рабочую партию Германии (СРПГ), но и в ней не нашел себе место, хотя с 1931 по 1932 год писал многочисленные статьи для газеты «Социалистише Арбайтсцайтунг».

Якоб был человеком, который вызывал сильную реакцию у других, будь то друзья или враги. Так, например, пацифист Отто Леман-Руссбюльдт, являвшийся другом Якоба на протяжении многих лет,

называл его «проблемной натурой» и утверждал, что он быть безответственен по отношению к друзьям и без нужды выводить людей из себя¹⁸. Однако его окончательное суждение было таковым: «Как политический деятель Б. Я. был безупречен».¹⁹ Курт Гроссман, друг Якоба по НЛПЧ, утверждал: «Все, что он делал во имя борьбы за свою политическую концепцию, он делал с искренней убежденностью»²⁰. Тем не менее, он указывал, что не крупное телосложение и неприметная внешность Якоба, возможно, были причинами того, что он был склонен важничать²¹. По словам его брата, Ханса-Роджера Мадола, который, к слову, политические взгляды Якоба не разделял, тот был «безрассудно храбрым, наивным, одержимым (!) при этом обезоруживающим в своей раздражающей убежденности, что все остальные должны быть готовы пожертвовать своими жизнями ради его идеалов – пусть даже, в конце концов, он сам именно так и поступил».²² Очевидно, что Якоб был мужественным человеком, страстно отстаивал за свои идеалы и был крайне прилежен, но в тоже время был склонен к конспирации и скрытную натуру, что делало его несимпатичным для некоторых людей и фактически способствовало его похищению из Базеля в 1935 году. По поводу этой «темной» стороны характера Якоба Ольден писал: «Что делало Якоба «подозрительным»? Не что иное, как его мужество, пренебрежение собственными интересами и самоотверженность. Именно эти качества, который должны были бы вызывать глубочайшее уважение в глазах всех объективных людей и были причиной того, что его недооценивали».²³

Якоб жил очень скромно и большую часть доходов тратил на свою работу. Он предпочитал вести расследования в одиночку и неутомимо прослеживал зацепки, куда бы они ни вели. По словам одного из его знакомых, он был «настоящим Шерлоком Холмсом от журналистики». Его работы считались стилистически качественными, и он умел убедительно преподнести результаты своих изысканий. Он был подписан на огромное количество публикаций, издававшихся не только в крупных городах Германии, но и провинции, и собрал объемный и хорошо организованный архив. Его познания в военных вопросах были результатом многолетнего обстоятельного изучения информации об армии, доступной из открытых источников – в 1935 году он смог

убедительно это доказать своим нацистским похитителям в Берлине, чем вызвал их глубокое изумление²⁵. При этом нет ни единого подтверждения тому, что у него были источники внутри НСДАП. В противоположность к профессиональному образу, из описания, данного женой Якоба, воссоздается совсем другая картина его личности: «Скромный, предупредительный человек, который никогда никого не оскорблял и не читал нотаций; [...] с хорошим чувством юмора, преисполненный любви к литературе и музыке»²⁶. Среди друзей он носил прозвище «Малый» или «Беса».

В конце июля 1932 года Якоб и его жена Эльза, урожденная Лой, покинули Берлин, «после того, как он убедился, что продолжение деятельности в Германии будет угрожать его личной свободе».²⁷ Не ставя в известность о своем отъезде из Германии, они перебрались в Страсбурге. Здесь Якоб встретил Джина Книттеля, главного редактора газеты «Штрассбургер Нойсте Нахрихтен» («ШНН»), с которым познакомился в Берлине в 1930 году. Первые месяцы было нелегко свести концы с концами, потому что Якоб написал немного статей для «ШНН». Однако вскоре он установил контакт с другой страсбургской газетой – «Ля република», для которой написал почти все свои статьи о Германии, и мало-помалу он стал выполнять ту же роль и в «ШНН». Он привез с собой архив, тем самым заложив основу для будущей работы. Не теряя времени, он основал новую, и на сей раз двуязычную пресс-рассылку, которую назвал «Унабхэнгигер Цайтунгсдинст» (Unabhängiger Zeitungs-Dienst/Service de Presse Indépendant – «УЗД»), первый номер которой вышел свет в августе или сентябре 1932 года. Эту рассылку, ставшую продолжение «Цайт нотицен», он теперь составлял лично и описывал ее как «замену запрещенной немецкой прессы».²⁸ Она печаталась в типографии газеты «Ля република», благодаря кредиту, предоставленному главным редактором, и имела тираж от 70 до 100 экземпляров, а также 14 подписчиков. Находясь в эмиграции, Якоб постоянно пытался увеличить их число, что не раз упоминается в документах, которые приводится далее. Выпуск издания прервался в марте 1935 года из-за похищения Якоба, но вновь был возобновлен 21 марта 1936 года. Точно неизвестно, сколько еще просуществовал рассылка. Возможно, до начала войны²⁹. Живя в Страсбурге, Якоб по

своему обыкновению продолжал выписывать множество газет – на свое имя и в дальнейшем на имя своей жены, стремясь собирать как можно больше информации из Германии, в том числе, от «немецких корреспондентов» (см. ниже документ № 50). Так ему удавалось держать руку на пульсе и составлять крайне актуальные отчеты. Разумеется, это вызывало гнев нацистских властей, которые вели слежку за некоторыми беженцами (см. ниже). Так что неудивительно, что Якоб оказался в числе тех, которые был включены в первый список на лишение гражданства, опубликованный 25 августа 1933 года в газете «Рейхсанцайгер». Гражданства были лишены и многие из его бывших коллег, например, Леман-Руссбюльдт, Герлах, академик и журналист Фридрих Вильгельм Фёрстер, Гумбель, Гроссманн и прославленный драматург Эрнст Толлер. Все эти имена вы встречаете в представленном сборнике документов.

В 1934 году Якоб также опубликовал две короткие брошюры под названием «Легенда Гинденбурга» и «Кто? Из арсенала поджигателей Рейхстага», в которых критиковал двуличную деятельность немецкого государства за прошедшие несколько лет, пытаясь изобличить ответственных. В середине этого года он также предпринял попытку помочь редактору «Вельтбюне» Осецкому, который не эмигрировал после захвата власти национал-социалистами и впоследствии был арестован и помещен в концентрационный лагерь. 16 апреля 1943 года главный редактор газеты «Паризер Тагеблаттс» Георг Бернхард написал передовицу о Нобелевской премии мира, предложив присудить ее такому видному пацифисту, как Осецкий. Якоб был одним из первых из множества эмигрантов, поддержавших эту идею³⁰. Он связался с уполномоченными органами Норвегии, а также британским лауреатом Нобелевской премии мира 1925 года Остином Чемберленом по поводу возможной номинации.

*

В июне 1934 года Якоб получил письмо из Лондона от своего бывшего берлинского коллеги Ханса Веземана. Они не особенно дружили, но Якоб знал его как социал-демократа, которого часто встречал в берлинских залах суда и на политических собраниях. Страсбургский

адрес Якоба Веземан получил от Гельмута фон Герлаха, на которого они оба работали за 19 лет до этого.³¹ Веземан предложил Якобу помощь с поиском новых подписчиков на «УЗД» среди своих британских знакомых. Это он направил Якобу приглашение на конференцию, организованную Национальным советом мира в Бирмингеме, которым Якоб не мог воспользоваться из-за того, что его немецкий паспорт был просрочен, а запрошенные им французские документы ему еще не выдали.³² Леман-Руссбюльдт предупреждал Якоба о том, что Веземан «ненадежен», о чем Якоб упоминал в отчете о собственном похищении (см. Приложение I), но тогда они еще не знали, что Веземан теперь работает на гестапо. В ноябре 1934 года он посетил Якоба в Страсбурге по пути в Саарбрюккен, где хотел подготовить доклад о Сааре в преддверии плебисцита о дальнейшей судьбе этой территории. Плебисцит состоялся 13 января 1935 года в соответствии с условиями Версальского договора, при этом население проголосовало за воссоединение с Германским рейхом. В ноябре Ольден также отправились в Саар, где Рудольф работал главным редактором антифашистской газеты «Рейх» принца Хубертуса фон Лёвенштейна. Якоб случайно узнал от Ольдена, что некий Веземан хотел его видеть. Тот вскоре появился и был крайне удивлен, встретив Якоба у Ольденов. При этом Якоб повел себя странно, о чем Ольден упоминал в своем письме в адрес криминальной полиции Базеля (см. документ № 1, абзац 5). Несколько дней спустя в этом же городе Веземан попытался под каким-то предлогом вывезти Якоба в очень отдаленную местность недалеко от границы, но Якоб настоял на возвращении в центр. Возможно, это была первая попытка похитить Якоба.

Веземан сообщил Якобу, что мог бы помочь ему получить новый немецкий паспорт через своего старого знакомого по фамилии Маттерн³³, но для этого Якоб должен лично появиться в Базеле, чтобы подписать необходимые документы. В соответствии с этим, Веземан и Якоб договорились встретиться в Базеле, куда Якоб прибыл поездом из Страсбурга в субботу 9 марта, в отеле «Готтхард Терминус» напротив вокзала. Оттуда оба направились на встречу с Маттерном в ресторан «Цум шифен Эк» по другую сторону моста «Рейнбрюкке». Якоб заполнил бланки³⁴, внеся также данные своей жены, и потребовал, чтобы срок

действия паспорта начинался в определенный период - незадолго до того, как он был лишен гражданства (23 августа 1933 г.). Тогда Маттерн заказал много спиртных напитков и предложил отправиться в свою квартиру неподалеку, возможно, для того, чтобы поставить в документы необходимые печати. При выходе из ресторана у Якоба возникли сложности с надеванием пальто, он почувствовал, как «его сознание помутилось, и он споткнулся»³⁵. Позднее он вспоминал, что замешкался, увидев Веземана стоящим рядом с автомобилем с кузовом купе. Маттерн продолжал подталкивать его вперед, и Якоб почувствовал, что теряет сознание. При этом ему удалось частично запомнить номер автомобиля – 9512 или 9521 (правильным оказался первый вариант). Следующим его воспоминанием стала резкая остановка автомобиля, когда он услышал голос: «Пограничный контроль!», а Маттерн закричал: «Но это должно быть какая-то ошибка. Мы вовсе не хотим в Германию». В тот момент, когда Якоб увидел фуражку одетого в униформу человека, открывшего дверцу автомобиля, ему все сразу же стало ясно: он попал в руки немецкой полиции. У него отняли его документы и отвезли в уединенное место, где он встретил нескольких служащих. Те разыграли перед ним сложную шараду, дабы заставить думать, что Веземан был застрелен. Якоба посадили в скорый поезд Базель-Берлин и во второй половине следующего дня передали под полицейский арест гестапо (управления гестапо) по адресу Принц-Альбрехтштрассе, 8, в Берлине.

*

Журналист и самопровозглашенный социалист Ханс Веземан прибыл в Великобританию в апреле 1933 года с первой волной эмигрантов (в основном, политических). Репутация его была не такой уж безупречной: он был членом СДПГ, но был уволен из штаба сотрудников партийной газеты «Форвэртс» и исключен из партии «в связи с гомосексуальными и другими скандальными историями»³⁶. Он также был уволен из газеты «Вельт ам монтаг» за поддельное интервью с Гитлером.³⁷ Тем не менее, воспользовавшись неразберихой эмигрантской жизни, царившей в начале антифашистской эмиграции в Великобританию, Веземану удалось использовать свои бывшие связи с социал-демократами, чтобы

войти как в прогрессивные круги Британии, так и в группы эмигрантов-социалистов.³⁸

Хотя число немецких беженцев, искавших убежища в Великобритании, в 1933 и 1934 гг. было еще сравнительно небольшим, в него входили представители большинства политических партий и организаций Веймарской республики. Среди них были как представители левых партий, например, СДПГ, СРП (Социалистическая рабочая партия) и КПГ (Коммунистическая партия Германии), которых Гитлер преследовал особенно рьяно, так и представители таких организаций как НЛПЧ. Представителями последней в Великобритании были Рудольф Ольден, Отто Леман-Руссбюльдт и Эрнст Толлер, которые впоследствии пытались помочь Бертольду Якобу.

Одним влиятельным англичанином, полностью признавшим Веземана и оказывавшим ему помощь, как в форме деловых контактов, так и в форме предложений о работе, был Роберт де Гручи – редактор раздела культуры еженедельной газеты кооперативного движения «Рейнольдс Иллюстрейтед Ньюс». Де Гручи рекомендовал Веземана Британскому конгрессу тред-юнионов (БКТ) как беженца-социалиста³⁹, благодаря чему тот начал еженедельно получать пособие Международного фонда солидарности БКТ, а также обзавелся полезными связями в профсоюзной среде. Другим видным англичанином, которого удалось провести Веземану, был Уикхэм Сидд, который, как выяснилось, сыграл активную роль после похищения Якоба. Веземан, пользовавшийся псевдонимом Рудольф Шрёдер, был частым гостем субботних званых вечеров Сидда. Во время опроса у швейцарского прокурора доктора Роя Ганца Сидд сообщил, что «Шрёдер» с момента первой их встречи в январе 1934 года снова и снова обращался к нему по различным поводам. «Шрёдер» выдавал себя за близкого коллегу Гельмута фон Герлаха и Бертольда Якоба.⁴⁰

На самом деле, Веземан прикладывал усилия к тому, что завязать связи с антифашистами Великобритании. От остальных прочих социалистов и пацифистов, с которыми он общался, он отличался лишь тем, что никогда не страдал от нехватки денег (об этом рассказала политическая беженка-социалистка Дора Фабиан, показания которой были посмертно использованы на процессе по делу Веземана в 1936

году)⁴¹. Разгадка заключалась в том, что 27 апреля 1934 года Веземан посетил посольство Германии в Лондоне, где «с взволнованным и озабоченным» видом сообщил, что пережил изменение политических взглядов. При этом он предложил свои услуги по слежке за своими беглыми коллегами, участвовавшими в антифашистской деятельности⁴². После этого Веземан с большой финансовой выгодой для себя начал следить за деятельностью, контактами и планами политических ссыльных.

Его первой акцией стало похищение антифашистского документа под названием «Интеллектуальная душа лондонской травли против Германии» со стола Отто Лемана-Руссбюльдта и передача его в посольство⁴³. Другими эмигрантами, в разное время проживавшими в Великобритании и попавшими в доклады Веземана, были бывший депутат от социалистов Герхарт Сегер⁴⁴, юрист и политолог Франц Нойманн⁴⁵, владелец книжного магазина с антифашистской литературой Ханс Прейсс⁴⁶, а также «выдающиеся пацифисты и интеллектуалы» Рудльф Ольден и Эрнст Толлер⁴⁷. Наряду с этим, Веземан докладывал о деятельности немецких беженцев из других стран, приезжавших в Великобританию в рамках своей политической деятельности, например, о Максе Брауне, ведущем политике от партии СДПГ в Сааре, который планировал выступить в Великобритании с докладами⁴⁸, или о Викторе Шиффе, который контактировал с лейбористской партией⁴⁹. Веземан также предоставлял достаточно подробную информацию о британских подданных и организациях, которые активно симпатизировали немецким беженцам. Так в бюллетенях Веземана регулярно фигурировали лорд Лотиан от либеральной партии⁵⁰, а также квакеры⁵¹.

Одним из излюбленных приемов Веземана, с помощью которого он добивался расположения своих беглых коллег, было обещание помочь с публикацией их материалов. Одним из тех, кого Веземан таким образом смог взять на прицел, был Отто Леман-Руссбюльдт. Другим был Эмиль Юлиус Гумбель, которому Веземан в трех письмах обещал помочь найти британского издателя.⁵³ Как раз с помощью этой уловки ему и удалось завязать контакт с Якобом, предложив ему найти британское издательство и новых подписчиков на его пресс-рассылку.

Постепенно деятельность Веземана начала приобретать все более угрожающий характер. Есть основания подозревать, что его активность в Саарбрюккене в ноябре 1934 года была направлена не только против Якоба, но и Макса Брауна и Эрнста Толлера.⁵⁴ Однако после того, как в январе 1935 года Веземан заманил в Германию бежавшего в Данию профсоюзного деятеля Карла Баллинга, его шпионская деятельность начала принимать по-настоящему серьезные масштабы. Поскольку исчезновение Балленга поначалу не связывали с деятельностью Веземана, он смог приступить к выполнению своей следующей и последней миссии для гестапо – похищению Бертольда Якоба. Долгое время о местопребывании Якоба было абсолютно ничего неизвестно, никто не знал, жив ли он вообще.

Спустя десять дней Веземан был арестован в Асконе по подозрению в причастности к афере. Похищение Якоба и арест Веземана попали в заголовки газет по всей Европе. Особая обеспокоенность царила в среде беженцев, скрывающихся в разных странах. Из-за международного резонанса, вызванного этим случаем, швейцарская полиция приняла решение направить своих прокуроров в Париж и Лондон для проведения опросов. 22 марта 1935 года в Париж был направлен доктор Вильгельм Лютцельшваб, поездка которого сопровождалась большим общественным интересом. Там он опросил многочисленных эмигрантов об их связях с Якобом, Веземаном или обоими. Среди опрошенных были Эрнст Толлер и его возлюбленная Кристина Граутофф, Гельмут фон Герлах и близкая знакомая, журналистка Милли Циркер, журналисты и авторы Хильде Вальтер, Георг Бернхард, Виктор Шифф, Фридрих Вильгельм Фёрстер и Пауль Дрейфус (личный друг Якоба), а также ведущий политик от СДПГ Рудольф Брейтшейд. Лютцельшваб опросил также Ильзе Веземан-Майер, бывшую супругу Веземана, которая предприняла попытку самоубийства, когда новость о предательстве ее бывшего мужа стала достоянием общественности.

Параллельно в Лондон для изучения деятельности Веземана был направлен доктор Рой Ганц. 24 марта он прибыл на место, где нашел особую поддержку в лице Доры Фабиан, используя квартиру, которую та делила с бывшим депутатом СДПГ Матильдой Вурм, в качестве штаб-

квартиры на период своего расследования. Среди опрошенных Ганцом немецких беженцев были Рудольф Ольден и его жена Ика, сама Дора Фабиан, Франц Нойманн и бывший политик Г. Р. Тревиранус. В числе опрошенных британцев оказались Роберт де Гручи и Уикхэм Сид, которые ошиблись в своих оценках Веземана и подружились с ним, а также международный секретарь лейбористской партии Уильям Гиллис. Хотя Ганц проводил опросы самостоятельно, специальный отдел информационной службы лондонской полиции также принимал участие в некоторых расследованиях, например, в поиске комнаты Веземана в Лондоне.⁵⁶

30 марта 1935 года Рой Ганц вернулся из Лондона в Базель, завершив расследование деятельности Веземана. Пять дней спустя, 4 апреля, Дора Фабиан и Матильда Вурм были найдены мертвыми в своей лондонской квартире. Хотя судебное расследование пришло к заключению, что обе женщины совершили самоубийство в состоянии душевного смятения, данное заключение многих не удовлетворило. В виду ключевой роли, которую Дора Фабиан сыграла в расследовании похищения Якоба, многие полагали, что нельзя исключать след гестапо в этих смертельных случаях. Обстоятельства смерти Доры Фабиан и Матильды Вурм по сей день так и не выяснены до конца.⁵⁷

В Англии похищение Якоба спровоцировало волну активности, как среди британцев, так и среди эмигрантов. Смерть двух беженцев, по-видимому, связанная с этим происшествием, еще больше усилила всеобщую озабоченность. В СМИ и других местах оба происшествия положили начало широкой дискуссии о деятельности нацистов за пределами Германии, они также неоднократно обсуждались в Палате общин.⁵⁸ Первым из представленных в данном сборнике документов, имеющим отношение к похищению Якоба, является отправленное из Лондона письмо Рудольфа Ольдена, датированное 21 марта 1935 года – в этот день был арестован Веземан. Рудольф Ольден и его жена играли центральную роль в развернувшейся в Британии кампании в защиту Бертольда Якоба. Судя по всему, письмо в адрес криминальной полиции Базеля было написано сразу же, как только стало известно об аресте.

Ольдены бежали в Лондон через Прагу и Париж в ноябре 1933 года и сначала поселились в квартире в Южном Кенсингтоне. Однако

финансовые трудности эмигрантской жизни привели к тому, что в сентябре 1935 года они приняли приглашение известного ученого-классика Гилберта Марри и поселились в домике на участке рядом с его домом в местечке Борс-Хилл близ Оксфорда.⁵⁹ Рудольф Ольден хорошо знал Якоба с тех пор, как они были коллегами в Веймарской республике. Его знакомство с Веземаном, как следует из показаний, данных им полиции Базеля, произошло в Саарбрюккене, когда он наблюдал секретный разговор между Якобом и Веземаном. Ольден считал важным информировать полицию Базеля о репутации Веземана в кругах немецких социалистов в Великобритании, где его считали «мошенником и доносчиком». Ольден написал также о том, что Веземана подозревали в том, что он под ложным предлогом заполучал в свои руки антифашистские работы других людей и передавал их должностным лицам Германии (см. далее документ I).

Поскольку одной из британских жертв Веземана был Отто Леман-Руссбюльдт, Ольден сообщил его адрес швейцарской полиции в качестве полезного контакта. Как и Ольден, Отто Леман-Руссбюльдт прибыл в Англию в 1933 году и испытывал в эмиграции достаточно серьезные финансовые трудности. Вторым адресом, который Ольден сообщал в своем письме от 21 марта, был адрес Уикхэма Стида, который считал нужным информировать полицию Базеля об уловке, которую Веземан использовал, чтобы попасть в его дом и его окружение.

Если Ольдена можно считать главной фигурой среди немецких беженцев в Великобритании, требовавших освобождения Якоба, что вытекает из объемной переписки, представленной в настоящем сборнике, то Уикхэма Стида, возможно, следует рассматривать как аналогичную фигуру из числа коренных британцев, поскольку им было написано не менее десяти писем. И хотя его очень волновала судьба Якоба, нельзя не заметить, что для него было важно оправдаться за свою дружбу с Веземаном. Сид являлся широко признанным экспертом по делам Центральной Европы. Будучи одним из первых англичан, осознавших угрозу миру, которую несет в себе Гитлер, он питал сильное расположение по отношению к беглым антифашистам в Великобритании. Так, например, он и его жена совершили акт доброй воли, пригласив пожить к себе младшую дочь Лемана-Руссбюльдта

Ивонн, которая оказалась в детском доме после смерти своей матери Луции.⁶⁰

Разумеется, Сид был не единственным британцем, активно занимавшимся судьбой Бертольда Якоба. В представленных документах фигурируют имена и других известных жителей Британии, в том числе, лорда Марли, представителя Лейбористской партии в палате лордов, который писал швейцарскому министру в Лондоне, чтобы узнать, как британские парламентарии могут поддержать швейцарское правительство в его протестах в адрес немецкого правительства. Марли придерживался намного более левых взглядов, чем Сид, однако, также сильно, как и он, был озабочен расцветом фашизма. Он исполнял обязанности президента, а в дальнейшем и международного президента Комитета помощи жертвам германского фашизма. Позднее он также стал заместителем председателя Парламентского комитета по делам беженцев. Как и Рой Ганц, Марли в своей работе по оказанию помощи беженцам часто обращался за поддержкой и советом к Доре Фабиан.⁶¹

Когда британский министр иностранных дел сэра Джон Саймон нанес официальный визит в Берлин, ряд влиятельных британцев, например, Кэтрин Маршалл из Международной женской лиги за мир и свободу, а также парламентарии Д. Н. Притт и Дингл Фут, использовали эту возможность, обратившись к министру с просьбой обсудить как случая Якоба в частности, так и безопасность беженцев в целом. Однако их телеграммы, по видимому, были получены слишком поздно. Известная феминистка и социалистка Кэтрин Маршалл в 30-ые годы очень активно занималась делами беженцев от нацизма несмотря на то, что здоровье часто подводило ее. Д. Н. Питт и либеральный депутат Дингл Фут (последний сделал парламентарский запрос от имени Якоба) также последовательно занимались делами беженцев.

Одновременно с тем, как в Великобритании разворачивалась описанная деятельность, похожие, если даже не еще более активные шаги в защиту Якоба предпринимались во Франции. Как следует из документов, происходило интенсивное взаимодействие между эмигрантскими группами Великобритании и Франции, которые часто были связаны политическими и профессиональными отношениями.

Эрнст Толлер, сделавший своим убежищем Британию, находился в Париже как раз в тот момент, когда туда прибыл Лютцельшваб, и подробно описал ему свое общение с Веземаном. Рудольф Ольден пользовался сетью немецких политических беженцев для обмена корреспонденцией как с Толлером, так и с Эмилем Юлиусом Гумбелем и его женой, журналистом Вильгельмом Родимински и его женой, а также политическим активистом Карлом Грёлем (известным также под именем Рецлав). Все они находились в эмиграции во Франции. Ольден также установил контакт с Максом Зиверсом из Немецкого союза свободомыслящих, который находился в эмиграции в Брюсселе. Часть переписки вела жена Ольдена Ика, в том числе, с иллюстратором Фрицем Вольффом, который позднее стал издателем газеты «Паризер Тагесцайтунг», и с Милли Циркер. Множество писем было написано Джину Книттелю в Страсбург, а некоторые отправлялись еще дальше, например, в Палестину к писательнице Габриеле Тергит, которую Ольдены хорошо знали по совместной работе в газете «Берлинер Тагеблатт». Уикхем Сид со своей стороны также пользовался контактами из этой же сети и писал, например, Фридриху Вильгельму Фёрстеру во Францию и Герману Будзиславски, который во время своей пражской эмиграции издавал антифашистский журнал «Ди нойе вельтбюне».

Еще одним участником акций по спасению Бертольда Якоба, не принадлежащим к данному кругу, был его младший брат Ханс-Роджер Мадол. Он находится в эмиграции в Дании, и сразу же после появления новостей об исчезновении брата отправился в Париж вместе с третьим братом Вольфгангом Соломоном, чтобы помочь французским властям в проведении расследования. 25 марта Мадол дал интервью газете «Паризер Тагеблатт», в котором дистанцировался от политической деятельности Якоба, но выразил удивление его большим мужеством. Он пообещал посвятить себя поискам брата и подытожил, что в деле Якоба необходимо разобраться самым тщательным образом (см. ниже документ № 17). Затем Мадол, привыкший вращаться в высших кругах, отчасти благодаря своей работе с высокопоставленными коллекционерами автографов, отправился в Англию, где просил о помощи влиятельного лорда Лотиана, а также провел переговоры с

членами лейбористской партии и рядом других лиц. Он связался с Рудольфом Ольденом и Уикхэмом Стидом (последнего рассердило ошибочное предположение Мадола, что он основал «Комитет имени Бертольда Якоба») и, судя по всему, поспособствовал тому, чтобы передовица о похищении Якоба появилась в газете «Таймс».⁶²

Когда друзья Якобы выяснили его местонахождение, и стало ясно, что быстрое освобождение из берлинского заключения невозможно, они частично сконцентрировали свои силы на помощи его жене Эльзе, оставшейся во Франции без средств к существованию. Позднее фонд имени Эльзы был создан в «Доме друзей» - штаб-квартире Религиозного общества Друзей или квакеров. Хотя квакеры во всеуслышание объявили о создании этого фонда, его бюджет остался очень скромным, и, что еще хуже, 5 фунтов из него были утеряны на почте. Ика Ольден обратилась к квакерам по поводу создания фонда. Ранее такие фонды уже создавались для испытывавших нужду беженцев.⁶³ Она испытывала сильное беспокойство, поскольку ничего не знала о состоянии Эльзы с момента похищения. Эльза Якоб не только осталась практически без средств, но также не знала французского и не имела ни заграничного паспорта, ни разрешения на работу, хотя и пыталась получить последнее. В мае 1935 года она покинула квартиру в Страсбурге, так как должна была явиться в Париж к известному французскому адвокату Мэтру Моро-Джафферри, который взялся за дело ее супруга.

С самого начала Эльза Якоб отправляла большую часть полученных ей средств мужу в Берлинскую тюрьму и всегда доплачивала за то, чтобы к ней приходили распiski в получении, которыми она особенно дорожила, потому что на них почти всегда стояла его подпись. Он нуждался в деньгах, чтобы покупать себе более качественную еду, а также газеты, когда ему это было позволено. Его пожилой отец Давид Соломон проживал в Берлине и навещал его, но сам едва сводил концы с концами.

Из представленной переписки становится ясно, что наиболее эффективную помощь Эльза Якоб получала, главным образом, из двух или трех источников, а именно из Лондона от Ики и Рудольфа Ольденов, из Леона от Марилуизы Гумбель и из Брюсселя от Макса Зиверса. Бремя

эмоциональной поддержки в основном лежало на плечах Ики Ольден (и это как раз в то время, когда сами Ольдены испытывали трудности, так как лишились квартиры), и она же взяла на себя большую часть организационной работы. Марилуиза Гумбель взяла на себя планирование пребывания и расходов Эльзы во Франции, а также смогла попросить о финансовой помощи своих швейцарских знакомых. Кроме того, Макс Зиверс, который много путешествовал, сообщил Ольденам 24 июля, что виделся с Эльзой Якоб и прочел три длинных письма ее мужа, на основании которых смог сделать положительное заключение о психологическом состоянии Якоба. Ханс-Роджер Мадол говорил, что отказался от сбора пожертвований, потому что он и его брат Вольфганг собирались позаботиться о невестке, но выяснилось, что у них нет на это средств.

Данная переписка предлагает удивительную возможность заглянуть в жизнь беженцев с существовавшими в ней сложностями и подводными камнями. С самого начала Эльза Якоб сообщала Ике Ольден, что избегает эмигрантских кругов Парижа из-за интриг. На деле такой уважаемый человек как Макс Зиверс сообщал Ольденам 24 июня о «некотором недружелюбии по отношению к жене Якоба в этих кругах» и добавлял: «Присутствует ненависть [...] в отношении его жены, которая ужасает меня, и которой я не нахожу объяснения».⁶⁴

В Париже Эльза сначала остановилась у профессора Ойгена Кёсслера и его семьи в буржуазном 16-м Округе. Семья даже взяла ее с собой на побережье на две недели, чтобы здоровый морской воздух помог ей отвлечься от травматических переживаний. 24 июня жена Эмиля Гумбеля Марилуиза писала о Эльзе и принявших ее хозяевах, что «она нашла приют у хороших друзей, которые трогательно заботятся о ней и оказывают как материальной, так и моральную поддержку» (см. далее документ № 70). Возможно, что это организовали Гумбели. После того, как Гумбель потерял место в Хайдельбергском университете, супруги переехали во Францию и в 1934 году обосновались в Леоне. Бертольд Якоб был близким знакомым Эмиля Гумбеля со времен работы в НЛПЧ в Берлине,⁶⁵ как уже было упомянуто, они вместе издавали книги и брошюры. Когда Марилуиза Гумбель приехала в Париж в канун Троицы 1935 года, она разыскала Эльзу Якоб. Стало

очевидно, что срочно нужны еще деньги, за которыми она немедленно обратилась к политическим беженцам в Париже, которые, по ее мнению, были в состоянии оказать поддержку, и за несколько дней смогла собрать 780 франков.⁶⁶

К несчастью, в начале июля профессор Кёсслер скончался от апоплексического удара, а это означало, что Эльза Якоб должна была немедленно покинуть его дом. Благодаря усилиям Марилиузы Гумбель она переехала в Блуа к беглым немецким социал-демократам доктору Генриху Штерну и его супруге Кете, у которых, согласно планам Марилуизы Гумбель, она в дальнейшем должна была жить как пансионер. Поскольку доктор Штерн был невропатологом, это место казалось особенно подходящим для пребывания Луизы Якоб. Как не раз справедливо отмечала Марилуиза Гумбель, нервы Эльзы Якоб после всего пережитого были на пределе, и люди, которые помогали ей, должны были быть способны хорошо переносить перепады ее настроения.

*

Примечательно, что в июле 1935 года Эльза Якоб смогла посетить Лондон, несмотря на то, что после похищения мужа обеспечить ее деньгами и проездными документами было очень нелегко. Поводом для этой поездки стала неофициальная комиссия, посвященная расследованию убийств и похищений, совершенных нацистами, которая проводилась в Кэкстон-Холле в Вестминстере в течение трех дней с 10 по 12 июля 1925 года. Из этой комиссии пародию на немецкий судебный процесс аналогично тому, как за два года до этого в сентябре 1933 был организован параллельный антипроцесс по делу о поджоге Рейхстага. Тогда этот антипроцесс привлек широкое международное внимание и вызвал гнев в отношении немецких властей. Целью комиссии было расследование примеров деятельности нацистов за пределами Германии, в том числе, похищения Якоба. В состав комиссии вошли известные представители британской общественности: королевский адвокат Д. Н. Притт и его коллега Гектор Хьюз, лорд Листуэл, борцы за права женщин Мод Ройден и Миссис Сесил Честертон, а также радикальный писатель и радиоведущий Джон Бойтон Пристли. Согласно

отчетам, комиссия нашла поддержку у всех политических сил Великобритании.⁶⁷ Однако министерство иностранных дел придерживалось обоснованного мнения, что «комиссия, очевидно, проводится под эгидой Коминтерна и по наущению агента коммунистов господина [Отто] Каца».⁶⁸

Для выступления на совете были приглашены пять свидетелей из других государств, но и министерство иностранных дел, и МВД заявили свой протест. После обсуждения на уровне кабинетов было решено разрешить въезд пяти иностранцам, что обосновывалось «традициями либерализма и свободы слова»⁶⁹. Другими четверью свидетелями вместе Эльзой Якоб были Ада Лессинг, вдова философа Теодора Лессинга, убитого нацистами в августе 1933 года в Марианске-Лазне; Макс Браун, приглашенные сделать доклад о похищениях и других преступления нацистов в Саарбрюккене; бывший нацист Отто Штрассер, в отношении которого неоднократно предпринимались попытки похищения; и некий доктор Перельмутерис из города Каунаса, которого, предположительно, пригласили для того, чтобы привлечь общественное внимание к убийству Георга Йесуттиса в марте 1934 года за предполагаемое разглашение нацистских секретов. Вечером 10 июля 1935 года после выступления Ады Лессинг и Макса Брауна Эльзу вызвали в качестве свидетельницы по делу о похищении ее мужа. Как описывается в отрывке из статьи, опубликованной 12 июля в газете «Джевиш Дейли Пост» (см. ниже документ № 82), Эльза Якоб была настолько охвачена чувствами, что вскоре оказалась не в состоянии отвечать за задаваемые ей вопросы. Сообщив комиссии, что свекр недавно навещал ее мужа в берлинской тюрьме, а она сама еще ни разу не видела его с момента похищения, Эльза залилась слезами, и допрос был завершен.⁷⁰

Несмотря на столь удручающий результат, Ольдены, у которых остановилась Эльза, помогли ей использовать время, проведенное в Англии, для того, чтобы повлиять на влиятельных лиц в пользу своего мужа. Она обратилась к лорду Лотиану и Уикхему Стиду. Оба они ранее встречались с деверем Эльзы Мадолом и все же смогли найти в своем крайне напряженном графике время для встречи с ней. Из документов также следует, что Ика Ольден тогда обращалась в Комитет по делам

еврейских беженцев по поводу пребывания Эльзы Якоб в Великобритании, предположительно, в связи с финансовыми вопросами, и Эльзе оказали некоторую помощь (см. ниже документ № 86). Как бы там ни было, в конце июля 1935 года Эльза вернулась во Францию и снова отчаянно нуждалась в поддержке.

После поездки в Англию Эльза Якоб, казалось, была подавлена и немного жалела себя, написав Ике Ольден 29 июля: «Если уедете, то, пожалуйста, не забывайте обо мне» (см. ниже документ № 88). В конце июля появилась новость о том, что немецкое и швейцарское правительства договорились о формировании арбитражного суда. Был согласован и его состав: 5 человек, назначенных из числа членов постоянной палаты третейского суда в Гааге. Были также утверждены сроки и сфера действия суда, а именно расследование международного похищения Якоба, которое в глазах Швейцарии являлось нарушением ее территориальных прав. Ике Ольден удалось повидаться с Эльзой Якоб в конце августа на обратном пути из Люцерна в Париж. По возвращении домой, 28 августа, она написала из Лондона письмо Марилуизе Гумбель, в котором выразила свою обеспокоенность: «Она [Эльза Якоб] производит очень удручающее впечатление, и я очень переживаю за нее». По ее словам, Эльза отправляет мужу «крупные суммы, а сама сидит практически без средств» (см. нижеприведенный документ № 92). Днем ранее Ика Ольден направила краткое, серьезное письмо Фрицу Вольффу в котором настаивала на том, чтобы он «хотя бы немного и между делом» помог Эльзе, так как он занимал официальную должность в парижской гуманитарной организации «Немецкая комиссия» и, по всей видимости, должен был располагать некоторыми средствами (см. далее документ № 92). Однако из другого письма выясняется, что Эльза Якоб приобрела швейную машинку, чтобы выполнять работы по пошиву и перешиву вещей, а французские квакеры помогли ей с поиском клиентов.⁷² 30 августа Марилуиза Гумбель сообщила Ике Ольден, что благодаря деньгам, полученным от швейцарских друзей и частных жертвователей, полученным Эльзой в Англии, ее финансовое положение было значительно лучше, чем она описала Ике. У Марилуизы Гумбель также возникло ощущение, что Эльза, вероятно, использовала визит Ики, чтобы досрочно прервать свое пребывание в

Блуа. Она указывала на то, что Эльза «теряет голову в моменты растерянности и депрессии и считает свое положение более отчаянным, чем есть на самом деле, при этом, не отдавая себе отчет в том, насколько тяжело снова и снова находить деньги для нее». Практичная Марилуиза Гумбель предложила план дальнейших действий (см. далее документ 95).

Однако эти их усилия оказались более не нужны, причем даже раньше, чем ожидала Марилуиза Гумбель, о чем свидетельствует документ № 96. Эта депеша британской дипломатической миссии в Берне в адрес министерства иностранных дел, в которой воспроизводится текст коммюнике швейцарского правительства о (положительном) решении арбитражного суда. Якоб был отпущен на свободу, доставлен в Берн и вывезен во Францию, «[где] он надеется получить вид на жительство». Примечательно, что разбирательство оказалось коротким, и, что еще более интересно, язык коммюнике не оставляет ни малейшего сомнения в (негативном) настрое Швейцарии в отношении Якоба.

Процесс против Ганса Веземана по делу о похищении Бертольда Якоба начался в Базеле 4 мая 1936 года, спустя четырнадцать месяцев после самого похищения и восемь месяцев с момента освобождения Якоба из берлинской тюрьмы. Сам Веземан на тот момент уже около года пребывал в заключении в Берне. Судебное разбирательство длилось три дня. Зал суда был переполнен, присутствовал и сам Якоб. Первый день был посвящен допросу Веземана. Во второй день Якоб рассказал о своем заключении под арест, далее последовал рассказ «горько плачущего»⁷³ Веземана о его работе на гестапо. Третий день включал заключительные речи обвинения и защиты и оглашение приговора: три года тюремного заключения с учетом четырнадцати месяцев, проведенных в заключении. Выйдя из тюрьмы в марте 1938 года, Веземан покинул Европу и отправился в Южную Америку.

*

До начала второй мировой войны Якобы оставались в Париже (где Якоб находился под надзором полиции). Он немедленно вернулся к своей обычной писательской деятельности: продолжил издавать «УЗД» и в

1936 писал статьи для газет «Паризер Тагесцайтунг» и «Нойе Таге Бух». Он также написал отчет о своем опыте пребывания в лапах гестапо, планируя опубликовать его во Франции и в Великобритании, но этому плану не суждено было осуществиться. Однако вышла в свет его впечатляющая книга «Новая немецкая армия и ее фюрер» (Париж: издательство «Editions du Carrefour», 1936г.), за которой последовала полемическая работа «Почему мир молчит?». ⁷¹ В следующем году вышла в свет его книга «Гражданин мира Осецкий» (Париж: издательство «Editions du Carrefour», 1937г.) с краткой благодарностью бывшему коллеге и большой подборкой его статей. С 1938 года и до начала войны он вместе со своими старыми друзьями доктором Паулем Дрейфусом и Рудольфом Ольденом работал над проектом книги о истории власти в Веймарской республики, на которую получил небольшое финансирование от Американской гильдии за культурную свободу Германии.

31 августа 1939 года Якоб вместе со многими другими политическими беженцами был арестован и провел почти месяц в парижской тюрьме Санте. После этого его отправили в концентрационный лагерь Ле-Верне близ города Памье (департамент Арьеж) рядом с Пиренеями. Это был один из пяти крупнейших нацистских лагерей, «дисциплинарный лагерь», в котором держали преступников, политических беженцев и политических заключенных. Ларежь находился в ужасном состоянии, в нем не было ни отопления, ни освещения, ни врачебной помощи, ни нормальной еды или одеял. По словам заключенных, имевших опыт пребывания в немецких лагерях, Ле-Верне был даже хуже, чем Дахау или Ораниенбург. ⁷⁶ И все же Якоб, по словам его брата Мадола, старался сгладить ситуацию. ⁷⁷ Но ему была неприятна близость некоторых левоориентированных немецких политических беженцев, которые не питали добрых чувств по отношению к нему: возможно, его освобождение из берлинской тюрьмы в сентябре 1935 года некоторых из них заставило думать, что он заключил тайное соглашение с нацистами.

После перемирия, объявленного в июне 1940 года после немецкого вторжения во Францию, положение немецких беженцев стало еще более опасным. Еще большее их число было интернировано,

включая Эльзу Якоб, которую отвезли в Гюрс – другой большой концентрационный лагерь в Пиренеях. Неизвестно, как и когда Якобы смогли покинуть свои лагеря и воссоединиться, однако они вместе прибыли в Марсель, где 3 октября 1940 года пытались получить визу в США ⁷⁸, а затем в январе 1941 года вместе ездили в город Ажен (рядом с Тулузой). Затем, очевидно, в поисках визы, Якоб поехал дальше в Перигё, где жил его друг В. Ф. Штейн ⁷⁹. К тому моменту ему удалось получить документы на имя Марселя Роллена. Вариан Фрай из неофициального нью-йоркского Комитета экстренного спасения, отправленный в Европу, чтобы помочь выдающимся беглым интеллектуалам бежать из Марселя, решил, что не допустит, чтобы Якобы далее оставались во Франции: «Я приобрел для них венесуэльские визы и документы, оформленные на поддельные имена». ⁸¹ Фрай отослал обоих (точная дата не известна), и они добрались до португальской границы, но не смогли въехать в страну, так как документы оказались поддельными (Фрай обнаружил это уже после того, как Якобы покинули Францию). Вместо этого их отправили в Мадрид и поместили в тюрьму. Тем временем, Фрай отправил телеграмму с просьбой оказать срочную помощь супругам в Унитарный комитет Бостона в Лиссабоне, занимавшийся эвакуацией находящихся в опасности немецких беженцев, и он смог помочь: «Унитарии [...] убедили влиятельного португальского бизнесмена забрать их из тюрьмы и отвезти в Португалию на личном лимузине – без виз». ⁸²

Во время своего бегства от нацистов через Францию, Испанию и Португалию Якобы снова и снова направлялись просьбы о помощи в адрес Карла Рецлава. Бертольд Якоб надеялся, что он подтолкнет некоторых его друзей и его брата Мадола немедленно прийти к нему на помощь. ⁸³ 24 мая 1941 года Якоб также написал из Мадрида подробное письмо Уикхему Стиду, в котором благодарил за помощь, оказанную ранее, и просил содействия в сложившейся затруднительной ситуации. Ему необходимо было выбраться из Испании и попытаться перебраться в Гибралтар, Канаду или другую территорию Британской империи. Сид, не знакомый с псевдонимом Марсель Роллен, которым пользовался Якоб, отправил письмо Отто Леману-Руссбюльдту для идентификации.

Рецлав и Леман-Руссбюльд пытались собрать деньги для Якоба, но их попытки полностью провалились – «не удалось получить ни пенни». И, что еще хуже, им не удалось получить у британских властей визу для Якоба. Проблема, как уже упоминалась выше, заключалась в беглых социал-демократах, которые были не готовы поручиться в политической благонадежности Якоба.⁸⁵ Судя по всему, особую роль в этом сыграл журналист СДПГ Виктор Шифф, который по мнению Рецлава, был враждебно настроен по отношению к Якобу⁸⁶. В конце концов, британскую визу для Якоба все же удалось получить, но было уже поздно.⁸⁷

Фрай встретил Якобов в Лиссабоне, куда в начале августа 1941 года отправился после того, как его самого выдворила из Франции французская полиция. Якобы скрывались и ждали визы, чтобы отправиться через океан. 25 сентября Якоб, который как обычно отправился к офису унитариев, чтобы проверить, удастся им приобрести билеты на судно, был схвачен агентами гестапо и увезен в Мадрид. Оттуда его самолетом доставили в Берлин и снова поместили под арест на Принц-Альбрехтштрассе.⁸⁸

Якоб скончался 26 февраля 1944 года в еврейском госпитале в Берлине. В качестве причины смерти указан «туберкулез легких». После войны его брат Мадол нашел письма, проливающие свет на последние годы жизни Якоба: в тюрьме ему удалось подружиться с одним из надзирателей гестапо, и тот помогал ему тайно переписываться с отцом, что несколько скрасило его заключение. Свою повторную депортацию в Берлин он, по-видимому, принял хладнокровно. Эльза Якоб много лет жила в Португалии, затем вернулась в Германию, где умерла в 1978 году в Висбадене.